

**Казанский государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина**

На правах рукописи

МАСЮКОВА ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА

**ПОСТМОДЕРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ
МОДЕРНА**

09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук*

Казань - 2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии и культурологии философского факультета Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный руководитель -	доктор философских наук, профессор Лебедев А.Б.
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Шайхитдинова С.К. кандидат философских наук, доцент Бажанова Р.К.
Ведущая организация -	Казанский Государственный Технический Университет им. А.Н.Туполева

Защита состоится 29 января 2009 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета № Д 212.081.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 в аудитории №216 второго корпуса Казанского государственного университета.

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Гизатова Г.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

В контексте происходящих на наших глазах значительных трансформаций атрибутивных аспектов человеческой социальности наиболее актуальным вопросом гуманитарного и социального знания становится вопрос о новом облике и значении культуры в рамках как индивидуального, так и общественного бытия. Во многих случаях постмодерн являет собой либо продолжение, либо отсутствие ряда основополагающих характеристик прежней эпохи. Поэтому, на наш взгляд, практически невозможно проблематизировать социокультурную реальность настоящего времени вне обращения к сравнительным процедурам, направленным на выявление комплекса условий, которые способствовали расцвету западноевропейского модерна, затем — его трансформации в иную парадигму мышления и рационального общественного устройства.

В представленной работе отношение «мысль — слово — вещь» рассматривается в качестве вертикального среза культуры как своего рода модель символической реальности культуры и процесса ее познания. Терминологическая конструкция «мысль — слово — вещь», как известно, прямо отсылает к концепции Мишеля Фуко, наиболее полно сформулированной в его работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук». Опираясь на Фуко в том, что касается методологических принципов исследования, мы предпринимаем попытку расширить спектр рассматриваемых проблем, которые французские теоретик анализировал посредством данного категориального ряда.

Поскольку важнейшим отличием культуры от других аспектов социальной реальности является ее ценностная, смыслообразующая природа, то отношение «мысль — слово — вещь» в сфере культуры предстает как отношение исторического субъекта к действительности, обусловленное воспроизводимыми в процессе культуротворческой деятельности критериями истинности и неистинности, а также сам процесс институционализации этих критериев путем «экстернализации», «хабитуализации» и «объективации»¹ живого человеческого представления о мире. Примерно о том же говорит Фуко в одном из своих последних интервью, когда отмечает, что «хотел бы поместить проблему *специфики производства истинного и ложного* (курсив наш — В.М.) в центр исторического анализа и политических дискуссий»².

Таким образом, отношение «мысль — слово — вещь» можно рассматривать не только как *предмет теоретического и, прежде всего, социально-философского знания*, но и в качестве *модели практического функционирования культуры*. Впрочем, и первое, и второе значения термина

¹ Термины принадлежат П.Бергеру и Т.Лукману. См.: Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П.Бергер, Т.Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 334 с.

² Кастель Р. "Проблематизация" как способ прочтения истории / Р.Кастель / Пер. с англ. // Мишель Фуко и Россия / Сб. ст. под ред. О.Хархордина. — СПб.: Европейский унив-т в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2001. — С.11.

оказываются чрезвычайно важными для целостного уяснения природы каждой конкретной социокультурной ситуации. Последовательно обращаясь к обоим уровням интерпретации понятия, мы обнаруживаем в социальном бытии культур модерна и постмодерна некие системы сходств, распространяющие свое действие в равной степени на теоретическую, эстетическую, этическую сферы человеческой деятельности; затем, обнажив путем снятия разнообразных историко-культурных наслоений собственно структуру отношения «мысль — слово — вещь», описываем его в том виде, в котором оно существовало в модерную эпоху, и в том, в котором существует в настоящее время. В конечном итоге мы совершаем синтез представлений о живом экзистировании культуры на примере музыкального искусства, являющихся в отечественной гуманитарной традиции достоянием, прежде всего, музыковедения, и социально-философских обобщений, и тем самым представляем как онтологический, так и гносеологический аспекты рассматриваемых проблем.

Стремясь к соединению в пределах одного текста ряда характеристик теоретического и практического планов культуры, мы отдаем себе отчет в том, что отречение от конкретного здесь-бытия как своего рода живой плоти исторических реалий во имя редуцирования к некой абстрактной схеме-модели неоправданно, а зачастую и невозможно. Принимая точку зрения Ж.Делеза и Ф.Гваттари, основывающуюся на провозглашении единства мысли и «территории» в феномене «геофилософии», мы склоняемся к неизбежности рассмотрения социокультурных интенций в многоуровневом синтезе. Если инвариант того или иного смыслового жеста выявляется в нескольких сферах человеческой деятельности, то в таком случае можно говорить о наличии тенденции, которая, если использовать терминологию Делеза и Гваттари, «отрывает историю от культа первоначал, утверждая могущество среды»³. Собственно, как уже отмечалось выше, на аналогичный принцип опирается и Фуко в своем «синхроническом» подходе к истории идей. Представляется, что, руководствуясь рядом базовых установок социальной философии и методом генеалогии Фуко, опираясь при этом на представления о практических основаниях теоретического, эстетического и этического аспектов бытия модерна и постмодерна, можно воссоздать достаточно полную и многомерную картину социальной жизни моделей культуры в единстве составляющих их компонентов.

Степень разработанности проблемы.

Проблема соотношения модерна и постмодерна к настоящему времени успела стать классической. Среди большого разнообразия концепций, так или иначе интерпретирующих социокультурные трансформации западноевропейского модерна при его переходе в постмодерн, нами были выбраны и подробно проанализированы концепции П.Андерсона, З.Баумана, Ж.Бодрийяра, У.Бека, Э.Гидденса, Ж.Делеза, С.Жижека, Ж.-Ф.Лиотара,

³ Делез Ж. Что такое философия? / Делез Ж., Гваттари Ф. / Пер. с франц. и послесл. С.Н.Зенкина. — М.: Инст-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. — С.125.

С.Лэша, М.Фуко, Ю.Хабермаса. Работы перечисленных авторов составили методологический базис исследования.

Сформировать облик классического модерна и выявить его структурно-коммуникативное содержание нам помогли, прежде всего, труды И.Канта и Г.Ф.Гегеля. Наряду с ними мы рассматривали теории тех авторов, чьи научно-исследовательские интенции в отношении современного общества, современного мышления и современной культуры невозможно было обойти в силу их очевидной компетентности. К числу таковых мы отнесли работы Т.Адорно, К.Бакрадзе, М.Вебера, К.Левита, Д.Лукача, Г.Маркузе, М.Фуко, Ю.Хабермаса, Э.Хобсбаума, М.Хоркхаймера, А.Шопенгауэра, Н.Элиаса. На пути постижения музыкально-эстетического и музыкально-социологического аспектов бытия культуры классического модерна нам помогли исследования Б.Асафьева, М.М.Бахтина, М.Друскина, Ю.Капустина, А.Климовицкого, С.Лангер, Л.А.Мазеля, С.А.Маркуса, П.Миса, В.А.Фермана, Т.В.Чередниченко, А.Шеринга.

Еще большую, по сравнению с классическим модерном, актуальность в качестве объекта исследования имеет в социально-гуманитарной литературе поздний модерн. Данная особенность обозначенного социокультурного периода западноевропейской истории обусловлена рядом присущих ему противоречий и внутренних конфликтов, на которые обращали пристальное внимание такие исследователи, как Т.Адорно, Х.Арендт, В.Беньямин, М.Вебер, Р.Гвардини, Э.Гуссерль, А.Камю, Ж.Лакан, Д.Лукач, С.Кьеркегор, К.Маркс, Г.Маркузе, Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, Ж.-П.Сартр, В.Франкл, З.Фрейд, Э.Фромм, М.Хайдеггер. Музыкальное искусство, которое подходит под определение «позднемодерного», характеризуется, прежде всего, рождением феномена массовой музыкальной культуры, о котором писали как все без исключения теоретики Франкфуртской школы, так и отечественные авторы — Ю.Н.Давыдов, Д.Житомирский, В.Д.Конен, Д.А.Леонтьев, А.В.Михайлов, М.В.Сущенко, Т.В.Чередниченко, В.Шестаков. Наконец, постмодерн как источник социальности иного, немодерного типа, попадает под пристальное наблюдение Р.Барта, З.Баумана, У.Бека, Ж.Бодрийяра, Ю.Бохеньски, П.П.Гайденко, Г.Дебора, Ж.Делеза, Ж.Деррида, С.Жижека, М.Кастельса, И.Ильина, В.Л.Иноземцева, П.Козловски, В.А.Кутырева, Ж.-Ф.Лиотара, С.Лэша, Н.Маньковской, Дж.Р.Серля, М.Чешкова.

Проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что наряду с обширным материалом в области исследования соотношения модерна и постмодерна как различных типов культуры и мышления в целом существует определенный пробел в области исследования этой проблемы применительно к музыкальному искусству и — шире — практическому аспекту бытия культуры, формам ее живого воплощения. Между тем данная область человеческой деятельности не может не представлять интереса для исследователя-гуманитария, поскольку содержит большое количество наглядных иллюстраций тех тенденций, которые формируют теоретико-философское содержание того или иного времени.

Объект и предмет исследования.

Объектом представленного диссертационного исследования выступает культура обществ западноевропейского модерна и постмодерна.

В качестве предмета исследования мы выделяем соотношение коммуникативных (или структурных) основ модерна и постмодерна, взятое в аспекте философии и музыкознания.

Цели и задачи исследования.

Основной целью работы является анализ культуры обществ модерна и постмодерна с точки зрения образующих ее и лежащих в ее основе типов соотношения мысли, слова и вещи.

В связи с этим нами были поставлены следующие задачи:

— рассмотрение культуры классического модерна в ее теоретико-философском (Кант, Гегель), музыкально-эстетическом и музыкально-социологическом (Бетховен), а также социально-контекстуальном аспектах;

— выявление в толще социокультурных наслоений второй половины XIX — первой половины XX столетий сходных элементов, наглядно иллюстрирующих специфику культуры позднего модерна, как в ее практическом бытии (массовая музыкальная культура), так и в теоретическом осмыслении (Кьеркегор, Маркс, Фрейд, Ницше);

— поиск в практических и теоретических основаниях западноевропейской культуры ряда глубинных коммуникативных принципов, способствующих кризису и закату модерна;

— анализ отношения мысли, слова и вещи в условиях постмодерна на основе феноменов «новой массовой культуры» и «псевдо-идеологии», а также рассмотрение специфики теоретико-философского дискурса нового типа;

— интерпретация трансформаций, охвативших западноевропейскую культуру последней трети XX века относительно культуры модерна, сравнение коммуникативных (структурных) принципов модерна и постмодерна;

— обоснование значимости данных трансформаций для настоящего и будущего западноевропейской культуры.

Методологическая основа работы.

Непрерывность и многоуровневость культуросозидательного процесса указывают на необходимость поиска системы сходств, объединяющей бесконечное многообразие культурных явлений, к тому же принадлежащих по формальным признакам к различным областям человеческой деятельности. Если следовать по пути, апробированному метафизической традицией классической гуманитарной науки, то подобный поиск следует вести, руководствуясь признанием всеобщего, «надисторического» принципа организации, придающего истории неизменно стадийный характер. В таком случае культура предстает как устремленный к прогрессу процесс духовного развития, а ее систематизация сводится в конечном итоге к обнаружению и оправданию неких субстанциальных начал социального бытия.

Из несколько иных посылок исходит Фуко, формулируя так называемый *метод генеалогии*. Опираясь на основной постулат марксизма об опосредовании общественного сознания общественным бытием, французский теоретик в то же время вносит в него существенные коррективы. Если, анализируя общественное состояние, К.Маркс оперирует в равной мере категориями сущности и существования, выступая с критикой тех типов общества, определяющим моментом в которых становится принципиальный разрыв последних, то Фуко лишает теоретический дискурс необходимости обращения к понятию сущности. Фуко делает акцент на описании конкретного множества причин и условий возникновения того или иного социокультурного акта. Сами причины принимают отнюдь не вневременной, универсальный характер, а выискиваются в многообразии «фоновых» практик и дискурсов, и их изучение имеет целью ответ на вопрос: на основе отношений какого рода стало возможным данное речевое высказывание и его последующая легитимация?

Подобный подход к изучению изменяющихся во времени явлений, который, следуя структуралистской традиции, можно назвать синхроническим, позволяет избегать монокаузальности и эволюционизма: так называемые эпистемы Фуко включают в себя не хронологически схожие элементы, а, прежде всего, типологически родственные компоненты культуры, которые французский теоретик пытается избавить «от всякой антропологической зависимости и, вместе с тем, понять принципы формирования такой зависимости»⁴. Воссоздание той или иной конфигурации в ландшафте истории идей предполагает не подтверждение традиционных «прерывностей» в виде заранее установленных рядов (общественных формаций, художественных направлений, теоретических школ и т.д.), а поиск в непрерывности разнородных событий элементов единого ряда сходств. Репрезентируя в качестве фонового режима социальных явлений отношения власти и подчинения, Фуко определяет природу эпистемологического целого не как предзаданную телеологию, а как сформированную и воспроизводимую в конкретном историческом времени и пространстве систему означиваний, определяющую отношение субъекта мысли к вещи и — что особенно ценно при анализе культурных практик — к слову.

Методология, предложенная Фуко, на наш взгляд, недостаточно широко применяется в социально-гуманитарных исследованиях, в то время как содержащиеся в ней возможности необычайно велики. Поэтому в данной работе мы опираемся в большей степени именно на нее.

Научная новизна работы.

Научная новизна представленного исследования заключается в следующем:

— вводится понятие «коммуникативная модель», позволяющее анализировать социокультурное бытие с точки зрения образующих его

⁴ Фуко М. Археология знания / М.Фуко / Пер. с франц. — Киев: Ника-Центр, 1996. — С.18.

структурных оснований и выискивать в многообразии проявлений культуры системы сходств и различий;

— для анализа культуры классического модерна используются категориальные ряды «понятие-как-вещь» и «представление-как-слово», позволяющие фиксировать ряд симптоматичных моментов для данного типа культурного производства;

— для обозначения трансформаций, изменивших ландшафт истории идей в западноевропейской культуре позднего модерна по сравнению с модерном классическим, вводится понятие «слово-вещь»; применительно к постмодерну последнее начинает фигурировать как «мысль-слово-вещь».

— устанавливается, что, если современная культура фундировалась принципом дифференциации всех компонентов отношения «мысль — слово — вещь», то коммуникативная модель позднего модерна, а, вслед за ней — постмодерна выявила тенденцию де-дифференциации;

— такие традиционные предметы социально-философского анализа, как искусство, религия, идеология рассматриваются с точки зрения образующих их коммуникативных (или структурных) принципов, что позволяет находить в них общие основания и классифицировать не хронологически, а в соответствии с принадлежностью к той или иной коммуникативной модели;

— производится синтез социально-философского и искусствоведческого (в частности — музыковедческого) подходов к проблемам культуры обществ модерна и постмодерна, в результате чего проводятся следующие параллели: Кант — Бетховен, социальная теория позднего модерна — массовая музыкальная культура;

— выявляется укорененность всех трех рассматриваемых коммуникативных моделей (классического модерна, позднего модерна и постмодерна) в ряде структурных принципов, предложенных западноевропейской культурой христианством, а именно — двойственном понимании истины, возвеличивании роли слова, сопряжении словесной и вещной функций в понятии греха, дифференциации мысли, слова и вещи и одновременно их де-дифференциации; на основе этого делается вывод о единой и непрерывной основе для тех «прерывностей», которые образуют социокультурный ландшафт западноевропейской культуры.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Философия Канта и тип музыкального творчества, порожденный искусством Бетховена, а также социально-исторический контекст конца XVIII — начала XIX столетий представляют собой однопорядковые явления с точки зрения образующих их коммуникативных (или структурных) принципов.

2. Аналогичным образом принадлежность к одной коммуникативной модели объединяет идеи теоретиков позднего модерна (в частности, Кьеркегора, Маркса и Фрейда), возникшую в середине XIX века массовую культуру и спровоцировавшую это возникновение на социальном уровне тенденцию де-дифференциации мысли, слова и вещи.

3. Несмотря на свою кажущуюся принципиальной новизну постмодерн как тип коммуникативной модели, позволяющей объединить «новую массовую культуру» и «псевдо-идеологию», во многом продолжает коммуникативные принципы позднего модерна, поскольку ориентирован на еще большее усиление тенденции де-дифференциации.

4. Понятия слова и вещи, вкупе с понятием мысли образующие остов коммуникативной модели, являются аналогами тех понятий, которые еще Кант обозначил с помощью терминов вещи-самой-по-себе (представления-как-слова, в нашей интерпретации) и вещи-для-нас (или понятия-как-вещи);

5. Причины необратимых трансформаций современной культуры и современного типа мышления на коммуникативном уровне проявили себя, во-первых, как недостижимость человеком его же собственного представления о мире, невозможность трансцендирования себя, традиционно называемая отчуждением, во-вторых — как замещение свободной (в Кантовском смысле слова) циркуляции смысла по трехчастной модели «мысль — представление — понятие» таким типом коммуникации, где уже не человек как носитель субъективности, но слово, интегрированное в вещь (слово-вещь), приняло на себя бразды правления.

6. Постмодерный теоретико-философский дискурс, также как и постмодерное искусство невозможны, поскольку постмодерн как коммуникативная модель полностью исключает дифференциацию мысли (автора), слова (opus'a) и вещи («читающей публики»); наличие попыток создать философию или искусство в нынешних условиях — свидетельство актуальности коммуникативных принципов модерна.

Научно-практическая значимость диссертации.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в обобщении результатов разнообразных социально-философских исследований культуры обществ модерна и постмодерна и специальных искусствоведческих работ, посвященных изучению музыкально-практического аспекта культуры последних двух с половиной веков и известных в большинстве случаев музыковедам, а не представителям философской науки. Междисциплинарный и исторический характер работы позволяет использовать ее в практике преподавания курса социальной философии, философии культуры и философии музыки.

Апробация результатов исследования.

Основные положения предлагаемой диссертационной работы изложены в статьях, опубликованных в сборниках статей «Образование и культура постмодерна» (Казань, 2005), «Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса)» (Казань, 2006), «Человек перед лицом глобального вызова» (Казань, 2006), «Наука и религия в

глобализирующемся мире (Казань, 2007), в «Ученых записках Казанского государственного университета» (Казань, 2008), а также в одном из разделов коллективной монографии «Образование как пространство и время человеческого бытия» (Казань, 2007).

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, содержащих восемь параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи работы, определяется научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретико-методологическая основа и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Коммуникативная модель классического модерна»**, во-первых, вводится и обосновывается понятие коммуникативной модели, во-вторых, производится анализ коммуникативной модели классического модерна. Отмечается понимание коммуникативной модели как способа взаимодействия мысли, слова и вещи в определенном социокультурном пространстве и времени. Таким образом, объясняется, что данный термин служит, по существу, заменой традиционному понятию «субъект-объектное отношение», применимому в полной мере лишь к наследию классической модерной традиции, но не более поздних социокультурных образований. Далее содержание коммуникативной модели классического модерна выявляется посредством философии Канта и ряда явлений музыкально-практического и музыкально-теоретического аспектов западноевропейской культуры рубежа XVIII—XIX вв.

В **первом параграфе** — *«Автономизация и проблематизация представления-как-слова в философии Канта»* — проводится анализ критической философии Канта с точки зрения содержащихся в ней основ коммуникативной модели.

Кант находится в условиях такой коммуникативной модели, которая не предполагает противопоставление субъекта и объекта, но, напротив, постулирует идею их общей природы, поскольку *вещь как таковая вообще выносится им за скобки*, ее функцию принимает на себя, с одной стороны, понятие вещи (вещь-для-нас), с другой — представление о ней (вещь-сама-по-себе). Собственно вещь дает лишь импульс ряду осуществляемых сознанием процедур, а его непосредственными объектами становятся выраженная в легитимированных понятиях сфера должного и непосредственно сущее живое восприятие жизни. Для сознания в интерпретации Канта важнее и принципиальнее знать, что есть должное, и каким образом на основе синтеза не нуждающихся в опытном удостоверении суждений о должном (понятия) и активаций, идущих от мира, возникает нечто отличное от сознания, но в то же время его в себе узнающее — а именно, представление.

Так, доопытное и послеопытное знания предстают не как сменяющие друг друга этапы познавательной деятельности субъекта, направленной на изучение единого объекта, а как *два несводимых друг к другу рода знания*, предполагающие каждый — свой объект. В первом случае объектом выступает *понятие, взятое в модусе вещи*, поскольку оно облечено в неизменные и всеобщие априорные конструкты, во втором — *представление*

в модусе слова как явления двойственного, с одной стороны, укорененного в присущих субъекту способах обработки чувственных данных, с другой — постоянно ускользающего от самого субъекта. Руководствуясь подобной логикой, Кант дает определения обоим родам знания с помощью известных понятий аналитического и синтетического суждений. Для порождения аналитического суждения, пишет Кант, субъекту «незачем выходить за пределы понятия», ему лишь следует «расчленив это понятие, т.е. дать себе отчет в многообразии, всегда мыслимом в нем»⁵ для того, чтобы обнаружить там требуемый предикат. Иначе говоря, аналитическое суждение включает в себе тип связи «сознание — понятие» и предполагает для своей реализации наличие устойчивой, объективной, подчиненной логике, а, следовательно, закону, сферы языка. Причем, язык выступает здесь не средством для выражения мысли, а целью, к которой мысль направляется, дабы обнаружить там необходимое знание, и таким образом предстает в статусе вещи. Способом реализации знания, обращенного к понятию-как-вещи, становится удостоверение понятия, подтверждение его универсального статуса, припоминание (а не открытие вновь) его свойств. Синтетические суждения, в отличие от аналитических, Кант интерпретирует как суждения, обращенные к представлению. В синтетических суждениях «связь предиката с субъектом» «мыслится без тождества»⁶, знания же должны «пользоваться такими основоположениями, которые присоединяют к данному понятию нечто не содержащееся еще в нем»⁷. Изменчивая, неустойчивая область представления приобретает статус слова и может быть обозначена термином «представление-как-слово», являясь одновременно творящим и творимым, самим-по-себе, но нуждающимся в интенциях, исходящих от субъекта.

Различие между понятием и представлением как между вещью и словом находит также выражение и в кантовских терминах «частное» — «публичное», «природа» — «свобода», «ценность» — «смысл», «теория» — «практика». Посредством упомянутых парных категорий Кант выражает принцип корреляции двух различных сфер деятельности мысли, являющихся при этом порождением и достоянием самого субъекта. Там, где дело касается непосредственно Кантовской философии, речь может идти именно о корреляции понятия-как-вещи и представления-как-слова, а не об их взаимопроникновении, поскольку сохранение этих двух сфер в состоянии дифференциации — принципиально важный момент коммуникативной модели классического модерна.

Второй параграф — «*Осуществление замены реального объекта представлением и понятием в музыкальном искусстве классического модерна*» — переносит поиски характеристик коммуникативной модели классического модерна в область музыкознания.

Формы бытования музыкального искусства, которые правомерно обозначить как формы классического модерна, впервые проявились в полной

⁵ Кант И. Критика чистого разума / И. Кант / Пер. с нем. — СПб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. — С.37.

⁶ Кант И. Критика чистого разума. С.37.

⁷ Там же: С.41.

мере в творчестве Л. ван Бетховена. Наиболее значимая характеристика рассматриваемой коммуникативной модели — *замена реального объекта представлением и понятием* — нашла аналог в таком принципиально важном качестве музыкального искусства классического модерна, как *внеконтекстуальность*. На этапе раннего, доклассического модерна (XVII—XVIII вв.) функция авторства в музыкальном творчестве не выходила за рамки мастерства и ремесленной работы и не осознавалась как деятельность творца, набор конкретных функциональных, порой утилитарных значений, придаваемых тому или иному жанру, определял содержание музыки, не оставляя возможности для выхода за рамки традиции и практической целесообразности. В том типе музыкального творчества, что был впервые утверждён Бетховеном, наблюдается взаимодействие двух тенденций: с одной стороны, здесь очевидно стремление к непрерывной новации через самотрансцендирование и увековечивание каждый раз возникающего мгновения единения субъективности и мира в двойственном чувственно-интеллектуальном представлении-как-слове, с другой — приоритет стилистической традиции как своего рода предзаданности, априорности, аналогичной кантовским понятиям-как-вещам.

Трехчастная коммуникативная модель, имплицитно присутствующая в критической философии Канта, нашла воплощение в новом, появившемся в музыкальной культуре лишь на рубеже XVIII—XIX вв. соотношении автора, музыкального произведения и традиции. На первый план в композиторской работе отныне выступает уже не собственно письмо, призванное сделать процесс исполнения более простым, а нечто иное — литературно-художественный аспект, способствующий обращенности к вечности и потому предполагающий нацеленность на как можно более точную фиксацию всех оттенков уникального авторского замысла-представления. Каждое отдельное произведение, отныне мыслимое как опус, начинает функционировать в соответствии с принципом автономии, требуя отдельных форм для своей трансляции и реализации. На конкретном социальном уровне воплощенное в опусе представление-как-слово заявляет о себе посредством сформировавшегося на рубеже XVIII—XIX вв. института академического концерта. Что касается одновременного появления на исторической сцене просвещенной публики — третьего сословия, ставшего активным потребителем новой музыкальной продукции — то данное явление следует отнести к разряду консервативного фактора, влияние которого на творческий процесс, устремленный к новаторским воплощениям оригинальных идей, носило сдерживающий характер. Просвещенный слушатель, если рассматривать его с точки зрения коммуникативной модели, взял на себя роль предзаданного, фактически априорного начала, живого воплощения традиции и тем самым вполне может быть соотнесен с Кантовским понятием-как-вещью.

В третьем параграфе — «*Новые веяния: предчувствие дедифференциации мысли, слова и вещи*» — рассматриваются первые признаки распада коммуникативной модели классического модерна, которые можно

наблюдать уже в философии Гегеля, впервые представившей обширную критику модерна.

Наиболее значимой характеристикой философии Гегеля с точки зрения коммуникативной модели становится зафиксированный в ней процесс *дедифференциации* мысли, слова и вещи. Гегель оставляет неизменным признание двойственного характера предметного мира — «вещь есть для себя и также для чего-то другого — двойное разное бытие»⁸, но двойственность предстает у него не в качестве двух различных, несводимых друг к другу инстанций (представления-как-слова и понятия-как-вещи), а принимает форму *последовательно сменяющих друг друга этапов* познавательной и преобразующей деятельности мысли. Познание в целом у Гегеля предстает как преодоление независимости противостоящего ему инобытия (вспомним, что у Канта познание мыслилось совершенно иначе — как процесс сохранения баланса состояний слова и вещи при создании нового содержания в сфере слова). Мысль буквально поглощает сначала живое существование наличествующего объекта в виде понятия-как-вещи, а затем для-себя-бытие предмета или тот аспект предметности, который является в виде «своего-иного» представления-как-слова или умопостигаемой сущности вещи.

В конечном итоге Гегелем утверждается *тождественность мысли с вещью и словом* как двумя аспектами, точнее — этапами мнимого объекта, предстающая в его философской системе в виде результата познания духом себя самого через познание инобытия. Таким образом, если Кант в своей философской системе обходится без объекта, заменяя последний представлением-как-словом и понятием-как-вещью, то Гегель, принимая Кантовскую трехчастность мира за основу познавательного процесса, ходом этого процесса и вовсе устраняет всякую дифференцированность, тем самым ликвидируя те инстанции, что у Канта неизменно присутствовали в качестве заменителей объекта. Инобытием классического модерна выступала социокультурная действительность, понимаемая в духе индивидуализированных, кристаллизованных сознанием объектностей — понятия-как-вещи как комплекса априорных принципов, формирующих субъект, и представления-как-слова как ряда смыслов, напротив, сформированных субъектом. У Гегеля, будучи полностью подчинено «принципу субъективности», движение мысли образует своего рода иерархию, во главе которой стоит она сама, а, следовательно, те категории, что ее характеризуют — всеобщее и бесконечное, а не единичное и конечное, «частное» и «публичное». Атрибуты того, что на начальном этапе феноменологического движения противостоит мысли в качестве объекта, объявляются отчужденными формами и оттого нуждаются в преодолении.

Таким образом, Гегелевская философия подвела черту под коммуникативной моделью, что генерировала систему культуры классического модерна и, вместе с тем, приоткрыла доступ к принципам

⁸ Гегель Г.Ф. Феноменология духа / Г.Ф.Гегель / Пер. с нем. — М.: Наука, 2000. — С.68.

инного рода, на которых впоследствии была воздвигнута картина мира модерна позднего. Гегель в своей теоретической системе формулирует тенденции, которые впоследствии привели к кардинальным сдвигам в коммуникативной модели классического модерна, а именно: во-первых, *усиление и абсолютизация «принципа субъективности»* и проистекающая отсюда де-дифференциация мысли, слова и вещи; во-вторых, *объективация культуры как представления-как-слова* и все большее отчуждение последней, в результате которого то, что мыслилось Кантом в качестве гармоничного продолжения человеческой личности, становится чуждой и враждебной средой господства уже не человека, но знака.

Вторая глава — **«Крушение дифференцированной целостности: модерн на пути к радикализации и "умерщвлению"»** — посвящена поиску оснований коммуникативной модели позднего модерна и выявлению принципиальных отличий последней от коммуникативной модели модерна классического.

В первом параграфе — *«Симптом и ускользание представления: Кьеркегор, Маркс, Фрейд»* — анализируется коммуникативное содержание, которое присутствует в теоретических построениях ряда ведущих социальных мыслителей XIX столетия и в зависимости от характера исследования каждого из них получает различное методологическое воплощение.

Наибольшее сходство теоретическим построениям Кьеркегора, Маркса и Фрейда придает экспликация ими единой инстанции в коммуникативной модели, неведомой Канту и культуре классического модерна, которую правомерно, вслед за Жижеком, назвать «симптомом». У Кьеркегора данная инстанция обозначена парными терминами «вера» — «отчаяние», у Маркса — понятиями «всеобщий труд» — «разделенный труд», у Фрейда — такими смысловыми конструктами, как «принцип удовольствия» — «принцип реальности». Основой коммуникативной модели позднего модерна становится иерархичная структура во главе с симптомом, заслонившим субъекту возможность прямого взаимодействия уже не с миром как таковым, но с собственным представлением о мире. Симптом, согласно теоретикам позднего модерна, начинает выполнять функцию единственно действительной реальности, отчего главной проблемой коммуникации становится уже не *вопрос о достоверности*, а *вопрос о ценности*.

Так, описываемый Кьеркегором субъект направлен, конечно, не на объект, и даже не на представление об объекте, а на *характер отношения к представлению*, а потому руководствуется не модусом достоверности, а модусом ценности. Отказавшийся от универсальной моральной ориентации (понятия-как-вещи) и от «публичных» форм представления о Боге и мире (представления-как-слова), субъект сам создает ценности, имеющие сугубо личное значение для него как существа, обладающего свободой выбора лишь в одном — в отношении к отношению. В результате понятие и представление перестают быть значимыми, уступая место комплексу зашифрованных знаков (симптому), в которые репрезентирует себя субъект. В качестве

«материи», реального субстрата, каким наполняется бытие симптома, Кьеркегор и выдвигает *веру*, в которой *индивидуальное* — то есть центральная характеристика отношения — *находит свое полное воплощение*; и *отчаяние* как *феномен искаженного желания, не доводящего до конца индивидуальное*, но лишь запечатлевающий невозможность воссоединения субъекта с его представлением.

Маркс анализирует меновую стоимость вещей в качестве области, обладающей самостоятельным существованием в двойной функции — во-первых, в функции отделения субъекта от представления-как-слова (или от «его собственной деятельной функции» в контексте «публичности» как общественных потенций определенной общественно-экономической формации); во-вторых, в роли фактора, который затмевает субъекту связь с родовым началом как знанием, накопленным в ходе исторического развития человечества, или априорным содержанием понятия-как-вещи. Так, у Маркса субъект и вовсе перестает быть свободным, даже на уровне симптома. Но если у Кьеркегора и Маркса объективированное отношение субъекта к представлению, взятое в аспекте симптома, предстает как разрыв двух крайних полюсов, олицетворяющих дуальность желаемого и действительного, то Фрейд идет дальше в расправе над эссенциалистскими предпосылками картины мира. Само желаемое в его интерпретации лишается сверхчувственной идеальной позитивности и трактуется как следование зову первоначальной неорганической целостности природы, как реализация, в равной мере, инстинкта жизни и инстинкта смерти.

Из обозначенной амбивалентности, которая выступает имманентной характеристикой симптома, вырисовывается символическая структура последнего: симптом есть знак. В отличие от слова, что скрепляло единение субъекта и представления в коммуникативной модели классического модерна, симптом заключает в себе знак иного рода — *знак, обозначающий не-встречу субъекта и представления*. Понятие «не-встреча» призвано выразить основное отличие коммуникативной модели, утвержденной Кьеркегором, Марксом и Фрейдом, от той, что имплицитно присутствовала в умозрительных построениях теоретиков немецкой классической школы. Именно не-встречей определяются основные трансформации эпистемологического поля позднего модерна: дискредитация представления, дробление целостности субъекта за счет разрыва с понятием, необходимость поиска индивидуальных ценностных ориентаций.

Итак, схематическое выражение структуры коммуникативной модели позднего модерна выглядит следующим образом: (понятие-как-вещь) — мысль — симптом-как-знак — (представление-как-слово). Заключение в скобки таких инстанций, как понятие-как-вещь и представление-как-слово далеко не случайно, поскольку понятие, содержащее в себе богатство и многообразие сдерживающего фактора культурной традиции, здесь перестает быть значимым, а также потому что представление, играющее в коммуникативной модели классического модерна определяющую роль трансцендирования мысли, здесь лишь подразумевается и приобретает облик

желаемого, но не действительного идеала. Главенствующую функцию в коммуникативной модели позднего модерна берет на себя симптом — такое эпистемное образование, основным смыслом которого выступает знаковая природа, как, с одной стороны, *производность* от спонтанного действия мысли, содержащая потенции к реализации индивидуального принципа; с другой — чуждая, неконтролируемая и подчиняющая *произвольность* в отношении к субъекту мысли, рождающая конфликт с индивидуальным началом. Таким образом, симптом соединяет в себе функцию слова с функцией вещи, являя собой некое слово-вещное образование.

Задачей **второго параграфа** — «Феномен слова-вещи сквозь призму музыкальной культуры позднего модерна» — становится выяснение того, каким образом коммуникативная модель позднего модерна проявила себя в практическом бытии культуры, в особенности — в музыкальном искусстве.

Начиная со второй половины XIX столетия западноевропейское искусство обнажает в себе прежде немислимый раскол на практики различного порядка, которые могут быть классифицированы на «серьезные» и «легкие». Если с «серьезной» ассоциируется преимущественно «элитарная» *opus*-музыка, образцы которой продолжают создаваться и по сей день, демонстрируя свою верность коммуникативным принципам классического модерна, то «легкая», которую правомерно обозначить термином «массовая музыкальная культура», становится воплощением новой коммуникативной модели. Массовая культура — это явление, возникновение которого тесно связано с таким определяющим проявлением позднего модерна, как замещение непосредственного, обусловленного всеобщими морально-этическими и культурно-стилевыми нормами представления человека о мире болезненным симптомом, а живого создания, исполнения и восприятия искусства — средствами технического воспроизведения с их особой властью. Массовая культура в условиях позднего модерна и становится слово-вещным образованием, довлеющим над мыслью и подчиняющим ее своим культам потребления, счастья, легкодоступности, быстрозабываемости, коллективности и др.

Если все многообразие характеристик, обращенных к постижению специфики музыкального искусства классического модерна, можно свести к одной наиболее важной характеристике, заключающейся в том, что музыка, становясь *опусом*, полностью лишается зависимости от контекста, то в массовой музыкальной культуре с момента ее зарождения в 50-е годы XIX столетия до настоящего времени все происходит с точностью наоборот: эстетическая реальность здесь предельно прочно *связана с порождающим ее социальным контекстом повседневной жизни*. Именно эта черта — контекстуальность или определяемость сиюминутным социальным запросом и встроенность в повседневность — детерминировала функциональное назначение массовой музыкальной культуры, воздействие же радио, телевидения и звукозаписывающих средств по мере их внедрения во всеобщее употребление только усилило данное назначение.

Практически все интерпретаторы массовой культуры ставят рядом, а в отдельных случаях отождествляют три ее характеристики — деконструкцию института академического концерта, дискредитацию опуса как самодостаточного, не подлежащего изменениям в процессе трансляции образования и потерю автором собственно авторской функции самотрансцендирования. Очевидная взаимосвязанность отмеченных тенденций позволяет видеть в них единый процесс де-дифференциации. Действительно, сохранение баланса различаемых конфигураций в коммуникативной модели классического модерна способствовало и разграничению их функций, отделению стилевой традиции и настроенного на нее слушательского восприятия от стремящегося к расширению границ традиции авторского «я», опредмеченного и институционализированного в феномене опуса. Но в данном дифференцированном соотношении функций параллельно зарождению массовой культуры произошло нечто, что повлекло за собой постепенное затухание, а затем исчезновение опуса, концерта, автора. Наиболее значимым источником трансформаций на уровне коммуникативной модели стало для западноевропейского музыкального искусства *смещение акцента с композитора* как творца и живое воплощение мысли *на слушателя*, который прежде, в коммуникативной модели классического модерна олицетворял сдерживающий фактор традиции и выступал непосредственным аналогом понятия-как-вещи. Другими словами, во главу угла оказался поставлен вещный фактор, основой коммуникативной модели стала вещь с ее инертностью, косностью, консервативностью. Но, в то же время в новых условиях вещь утратила свое качество всеобщности, поскольку низвергнутым оказалось единство стиля и культурной традиции. Последнее уступило место многообразным индивидуальным интенциям потребительской воли.

Еще более значимым аспектом в осуществлении жизнедеятельности массовой музыкальной культуры становится само произведение этой культуры, называемое шлягером. Шлягер не является текстом или *opus'ом*, поскольку его невозможно вычленировать из обыденного жизненного контекста, из рыночных отношений, отделить от прочих средств идеологического воздействия и представить себе вне средств технического воспроизводства и тиражирования. Шлягер — это явление одновременно «публичное» и «частное» (и то, что Кант настаивал на невозможности соединения данных характеристик воедино — свидетельство тому, что в коммуникативной модели классического модерна данное сочетание, действительно, было невозможно). Таким образом, шлягер с точки зрения своего функционального назначения представляет собой живое воплощение слова-вещи и, являясь таковым, стремится к подчинению мысли.

Третья глава — «**В поиске коммуникативной модели постмодерна**» — содержит анализ третьей и последней из представленных в работе систем отношений мысли, слова и вещи. Несмотря на то, что целью данного раздела становится выявление различий между коммуникативными моделями, лейтмотивом сквозь него проходит мысль о том, что постмодерн не создает

принципиально новой коммуникативной модели, а лишь *видоизменяет коммуникативную модель позднего модерна*, основанную на определяющей роли слова-вещи; последняя же представляет собой трансформацию коммуникативной модели модерна классического, где слово и вещь сосуществовали в дифференцированном единстве.

Первый параграф — «*Два способа проблематизации постмодерна и невозможность дескрипции мысли-слова-вещи*» — помещает поиск коммуникативных оснований постмодерна в русло социально-философских дискуссий второй половины XX столетий.

Наиболее значимой характеристикой теоретической мысли интересующего нас времени является ее неоднородность. Отмеченная неоднородность касается, прежде всего, коммуникативного содержания той или иной концепции. Выбирая модерна «систему координат», исследователи тем самым становятся на путь сравнения постмодерна со всем многообразием проявлений модерна: их мышление подчинено логике поиска корреляции мысли, слова и вещи как автономных единиц. Напротив, «чистый» постмодерный дискурс погружает в стихию принципиально новых смыслов и либо противопоставляет себя всей рациональной западноевропейской традиции, берущей начало в античной философии, либо не противопоставляет ничему вообще, считая подобную процедуру диахронического плана гораздо менее значимой, чем выявление порожденных постмодерном связей, взятых в их синхроническом разрезе. Он направлен на выявление синтетических, слово-вещных образований, обнаруживающих черты де-дифференциации и лишаящих вещь и слово статуса непосредственных объектов мысли.

Таким образом, различие между двумя крайними типами аналитических дискурсов о постмодерне заключается в том, что мы имеем дело с двумя разными типами коммуникативных моделей. Форма мышления, репрезентируемая в работах сторонников идеи «незавершенного модерна» (З.Баумана, У.Бека, Э.Гидденса, Ю.Хабермаса и др.) всецело продолжает традицию дифференциации мысли, слова и вещи, обнаруживая в постсовременной реальности пусть сильно трансформированные, но относящиеся к коммуникативным моделям классического и позднего модерна категории. Ряд новых форм философствования, выраженные, прежде всего, такими мыслителями, как Р.Барт, Ж.Бодрийяр, Ж.Делез, Ж.Деррида, Ж.-Ф.Лиотар, С.Лэш, порывают с методологией, основывающейся на отделенности друг от друга понятия-как-вещи и представления-как-слова и господстве широко понимаемого принципа субъективности. Но при этом ни в одном из вышеназванных теоретических направлений невозможно избежать противоречия между самим объектом (постмодерным состоянием общества и культуры) и интерпретирующим его субъектом. Речь идет, прежде всего, о том, что постмодерная теоретическая мысль, даже в своих радикальных проявлениях, направлена на экспликацию и проблематизацию феномена, отсылающего к слову-вещи — детищу процесса де-дифференциации, начавшегося в период позднего модерна.

Действительно, слово-вещь как предмет разного рода высказываний «схватывается» в различных понятийных конструкциях, таких как «миф» Барта, «симулякр» Бодрийяра, «спектакль» Дебора, «смысл—событие» Делеза, «языковые игры» Лиотара. Но преемственностью предмета размышлений не исчерпывается связь принципов коммуникативных моделей модерна и постмодерна. К модерну отсылает и само наличие авторской теоретической интерпретации и философствования, которыми в полной мере пользуются даже самые «постмодерные» мыслители наших дней.

В рамках постмодерной коммуникативной модели, еще более усилившей тенденцию де-дифференциации по сравнению с поздним модерном, мы можем говорить об образовании такого кибер-явления, как *мысль-слово-вещь*. Данный феномен *принципиально нерerefлексивен*. Он не может быть противопоставлен субъекту в качестве объекта и не может, соответственно, быть детерминирован устремленностью к адекватному языковому выражению: он вбирает в себя и субъект и объект, но при этом не является ни тем, ни другим в отдельности. Мысль-слово-вещь, другими словами, есть понятие и представление одновременно, обрекающее субъект на пребывание в состоянии непрерывного потребления. Мысле-слово-вещные образования эксплицируются в теоретическом анализе в качестве предмета (чаще всего, будучи описаны терминами с приставками не- и пост-) только потому, что, как каждый конкретный анализ, так и сама форма аналитической внеконтекстуальной, неприкладной процедурности, заимствуют свое методологическое наполнение в современных дискурсах. Собственно же мысль-слово-вещь порывает с методологизмом, единственным адекватным ему дискурсом становится дискурс рекламы.

Поэтому коммуникативную модель постмодерна невозможно выискать в теоретических и философских построениях. (Хотя, безусловно, последние и представляют собой чрезвычайно важное подспорье при рассмотрении того, что наполняет собой социальную реальность наших дней.) Если полностью исключить модерн как тип социокультурной коммуникации, то придется вообще исключить форму письменной академической интерпретации и — что самое главное — полностью аннулировать стоящую за этой формой авторскую индивидуальность, свободную мысль, трансцендирующую свое представление и соотносящую его с общезначимым языковым и смысловым полем. Для того чтобы приблизиться к постмодерну «изнутри», стать его частью, следует писать не академическую теоретическую работу, а, скажем, создавать сайт или рекламный ролик.

Во **втором параграфе** — «Новая массовая культура на пути интеграции в социальный контекст» — рассматривается социокультурное значение тех синтетических звукодизайнерских явлений второй половины XX века, что возникли в русле массовой музыкальной культуры и информационных технологий.

Поскольку фонический аспект таких сугубо коммерческих артефактов, как музыкальный клип, рекламный ролик, интерактивная инсталляция, звуковое оформление технических средств информационного или

развлекательного назначения (например, «мелодии» для мобильных телефонов, компьютерные и телевизионные звуковые «заставки», шумовой и звукоподражательный фон, используемый в фильмах, компьютерных играх и т.д.), не может быть назван собственно музыкой, для их обозначения используется термин «новая массовая культура». Последняя становится живым воплощением феномена мысли-слова-вещи, поскольку стремится к стиранию грани между символическим и реальным, всеобщим и единичным и позиционирует себя как взаимоотношение любых элементов, обладающих различимостью.

В новой массовой культуре в полной мере осуществляется тенденция к слиянию музыкально-эстетического смысла с контекстом и превращению синтетических образований в звуковой дизайн повседневной жизни, не требующий дистанцированного, отстраненного вслушивания, а подчас не требующий слушания вообще (фонический аспект новой массовой культуры занимает второстепенное положение по сравнению с визуальным). Невозможности вычленения мысли в качестве самостоятельной конфигурации коммуникативной модели способствует интерактивный характер некоторых образцов звукодизайнерской продукции, а также такое неизбежное в условиях постмодерна явление, как рейтинг. Сиюминутное и требующее верности определенным клише, рейтинговое означивание продукции, на первый, поврехностный взгляд, предполагает свободу, но, с другой — свободу в классическом понимании как возможность самотрансцендирования начисто аннулирует. Поэтому очевидной представляется идеологическая составляющая новой массовой культуры.

Так, неслучайно содержанием **третьего параграфа** — *«Мысль-слово-вещь как псевдо-идеологический феномен»* — становится попытка рассмотреть результат де-дифференциации мысли, слова и вещи с точки зрения идеологии.

При интерпретации тех или иных артефактов и событий сегодняшнего дня мы уже не можем связать друг с другом символическое, свободное и публичное, как это делал Кант, и назвать образованную их сочетанием конфигурацию «просвещенным» состоянием разума, также как мы не вправе объединять реальное, принудительное и частное общим определением «несовершеннолетия». Эксплицировать новый «срез» социального смысла можно на стыке псевдо-свободного, псевдо-публичного и псевдо-символического, а следовательно, и псевдо-идеологического, поскольку на всех уровнях социального бытия так или иначе проявляет себя слово-вещь, стремящаяся, к тому же, стать мыслью-словом-вещью. Приставка «псевдо» становится здесь прямым выражением парадоксальной логики постмодерного сознания, которое обращает кантовскую модель свободы как осознанного принятия пределов несвободы, но обращает отнюдь не в ее антипод — формулу несвободы как переживания ограниченности и абсолютной невозможности свободы (временем этого антипода была эпоха Освенцима). Нынешнее состояние коммуникативной модели обнаруживает нечто иное — а именно, торжество *иллюзии свободы*, выставляющей свободу

как наиболее лакомую приманку на всевозможные витрины и украшая ею рекламные щиты.

Онтологическая трагедия человека нашего времени заключается в том, что он лишен связи с априорным полем всеобщих культурных смыслов (понятием-как-вещью) и оттого не имеет неизменных ориентиров, как этического, так и эстетического, и теоретико-познавательного характера. Тем самым его взаимоотношения с представлением о мире (представлением-как-словом) видятся ему самому раздробленными, хаотичными, сумбурными. Тем не менее, пространство «публичного слова» не остается пустым. Слово, воссоединившись с вещью, наполняет его псевдо-идеологическими фантомами разного рода, которые именно своим псевдо-идеологическим характером отличаются от симптома в коммуникативной модели позднего модерна. При этом человек как существо родовое, экзистенциальное, открытое миру в своей «эмпирико-трансцендентальной двойственности», остается прежним, его не сделала, несмотря на невероятную интенсивность попыток, «планетарной бактерией» идеология тоталитаризма и пока еще не превратила в ходячий лейбл идеология новой массовой культуры, масс-медиа и рекламы.

Если углубить поиски истоков главной тенденции, объединяющей модерн и постмодерн, то возможно усмотрение в этой тенденции — а именно тенденции абсолютизации слова — христианских корней. Центральный концепт христианского вероучения — Троица — является прообразом коммуникативной модели, включающей в себя в качестве составных частей мысль, слово и вещь. Именно из христианского мировоззрения ведет свое происхождение принцип отделения *истины* как непреложного, неизменного, не нуждающегося в апробации опытом *закона* от другой истины — живого, изменчивого и подвижного человеческого *представления* о мире. Но, как тенденция дифференциации, так и тенденция де-дифференциации, разрушающая водоразделы между мыслью, словом и вещью и тем самым способствующая отчуждению от человека понятия и представления, в равной мере уходят своими корнями в христианское мировоззрение. Одно из важнейших понятий христианства — понятие греха — на коммуникативном уровне представляет собой ни что иное, как слово-вещь. Соединение воедино слова и вещи в концепте греха способно порождать особого рода цикличность, повторяемость (чистое слово невоспроизводимо дважды, оно каждый раз уникально и неповторимо) — согласно христианской этике, греха в принципе невозможно избежать в земной жизни. Другое дело, что христианство, вооруженное поддержкой общепризнанной идеологии, само являясь идеологией, на протяжении многих веков способствовало осуждению, а тем самым — нейтрализации и подавлению приоритета греховности человеческой природы как несущей в себе слияние, интеграцию слова и вещи, символического и реального со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поскольку тенденция де-дифференциации существовала в христианской культуре изначально, то следует заключить, что постмодерн не

придумал ничего нового, а лишь легитимировал то, что прежде находилось под запретом и осуждением.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, определяются направления дальнейших исследований по данной проблеме.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Масюкова В.М., Лебедев А.Б. Культурно-образовательная парадигма постмодерна и музыкознание // Образование и культура постмодерна: Сборник статей. — Казань, Казанский университет, 2005. — С.65-70.
2. Масюкова В.М. Искусство в условиях «де-дифференцированной» реальности постмодерна // Человек и общество в современном мире (парадоксы социально-философского дискурса): Сборник статей молодых ученых. — Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. — С.121-142.
3. Масюкова В.М. Вне-чувственный вне-субъект или новая структура отношения к миру // Человек перед лицом глобального вызова: Сборник статей. — Казань, Казанский университет, 2006. — С. 52-56.
4. Масюкова В.М. «Жертвенный кризис» и повторяемость, или еще раз о христианском наследии // Наука и религия в глобализирующемся мире: Сборник статей. — Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2007. — С.54-58.
5. Масюкова В.М. Псевдо-просвещение как идеология нашего времени // Образование как пространство и время человеческого бытия: Монография коллектива авторов. — Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2007. — С.141-150.

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

6. Масюкова В.М. Коммуникативная модель философии Канта // Ученые записки Казанского государственного университета. Т.150. — Гуманитарные науки. — Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. — С.73-79.